

DOI: 10.12731/2218-7405-2016-11-313-332

УДК 316.745.3

ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ТОЛЕРАНТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С УЧЕБНЫМИ МИГРАНТАМИ

Коморникова О.М.

В статье анализируется специфика ориентаций студенческой молодежи на толерантное взаимодействие с учебными мигрантами в условиях интенсификации международной образовательной миграции.

Данная проблема рассматривается в контексте феномена толерантности как культурной ценности, закрепляющей значимость для общества способов и форм бесконфликтного взаимодействия.

Дано определение «ориентаций на толерантное взаимодействие». Выделены характерные черты толерантного взаимодействия в современных условиях, внешние и внутренние факторы, определяющие ориентации студенческой молодежи на толерантное взаимодействие с учебными мигрантами.

Курганская область не испытывает массового притока мигрантов, однако доля иностранцев, обучающихся Шадринского государственного педагогического университета достаточно значительна.

На основе результатов социологического исследования, проведенного в марте-апреле 2016 года среди студентов ШГПУ, делается вывод, что более половины из них ориентированы на толерантное взаимодействие с учебными мигрантами. Основной сферой взаимодействия является учебная деятельность, Дружеские отношения с мигрантами менее привлекательны для молодых людей. По мере уменьшения социальной дистанции растет число негативно настроенных к совместному обучению с мигрантами студентов. Это обусловлено такими факторами, как установки в сфере меж-

национальных отношений, наличие негативного опыта взаимодействия с обучающимися в вузе иностранцами.

Ключевые слова: *толерантность; толерантное взаимодействие; ценностные ориентации; студенческая молодежь; учебные мигранты.*

STUDENT'S ORIENTATIONS ON TOLERANT INTERACTION WITH EDUCATIONAL MIGRANTS

Komornikova O.M.

The article analyzes the specific orientations of students in the tolerant interaction with educational migrants by conditions of migrant's international educational intensification.

This problem is considered in the context of the phenomenon of tolerance as a cultural value, consolidating for society the importance of methods and forms of conflict-free interaction.

The article contains the definition of orientations on tolerant interaction. It was defined the characteristic features of tolerant interaction in modern conditions, external and internal factors that determine the orientation of students on tolerant interaction with migrants.

Kurgan region is not experiencing a mass influx of migrants; however, the number of foreigners studying in Shadrinsk State Pedagogical University is quite significant.

On the basis of the results of a social study in March-April 2016 among students SSPU, we came to the conclusion that more than half of them are focused tolerant interaction with educational migrants. The main area of cooperation is a learning activity. Friendly relationship with migrants is less attractive for young people. With decreasing of social distance, increases the number of negatively-minded students to co-education with migrant students. This is due to such factors as the social attitudes of the people in inter-ethnic relations, the presence of the negative experience of interaction with foreign student.

Keywords: *tolerance; tolerant interaction; value orientations; students; educational migrants.*

Образовательная миграция в современном мире приобретает все большую интенсивность. Многие страны проводят достаточно активную политику по привлечению иностранных студентов. Помимо экономической прибыли, сфера образования дает широкие возможности распространения собственных культурных ценностей в других странах, формирование в них слоя лояльных по отношению к себе людей. В свете последних событий на международной арене эти перспективы становятся особенно актуальными для нашей страны, поскольку возможности России в мировом информационном пространстве достаточно ограничены и необходимо расширение каналов трансляции объективной информации о себе. Успешность решения этих задач посредством привлечения учебных мигрантов во многом зависит от того, насколько принимающее сообщество способно строить конструктивные социальные отношения с ними. Тем более, что на рынке международных образовательных услуг, в том числе постсоветского пространства, у России достаточно много конкурентов. Тем не менее, в последние годы наметилась тенденция увеличения удельного веса иностранных граждан в составе студентов российских вузов. В 2013–2014 учебном году их численность составила 250,2 тыс. человек или 4,4% от общей численности студентов вузов, в 2014–2015 году – 282,9 тыс. (5,4%) [20, с. 35].

В данной статье мы остановимся на анализе ориентаций российской студенческой молодежи относительно взаимодействия с учебными мигрантами, поскольку именно она является одним из тесно контактирующих с ними субъектов.

Проблема внешней учебной миграции является достаточно новой для российской социологии. Особую значимость имеют работы таких авторов, как А.Л. Арефьев, Г.С. Витковская, К.А. Гаврилов, С.В. Дементьева, В.Н. Петров, Д.В. Полетаев, В.Н. Ракачев. Значительное внимание исследователей, занимающихся миграционной проблематикой, привлекают практики, механизмы адаптации мигрантов, их оценка взаимоотношений с принимающей стороной [1; 4; 6; 7; 13; 17; 18]. Социологический же аспект адаптации принимающей стороны в условиях интенсификации учебной миграции

остается пока без должного внимания. Отмечается, что имеет место взаимная адаптация и одним из наиболее дискуссионных является вопрос о том, как уживаться, повседневно сосуществовать «людям, к этому не очень приученным, не умеющим, а зачастую и не желающим этого делать» [17, с. 7]. Исследователи, занимающиеся данной проблематикой, высказывают мнение, что необходимость урегулирования взаимоотношений между российскими и иностранными студентами является одной из ключевых социокультурных проблем в современных условиях [18, с. 157]. Значимость данной проблемы усиливается в свете того, что недоброжелательное отношение даже части представителей принимающего общества становится одним из барьеров для адаптации учебных мигрантов [1, с. 53]. Таким образом, для получения более полной картины социальных процессов, детерминируемых внешней учебной миграцией, необходимо изучение не только различных аспектов адаптации учебных мигрантов в новой среде, но и практики адаптации принимающего общества к изменению привычных условий социальной среды, существующих у него ориентаций в данной сфере взаимодействия. Причем, отдельного рассмотрения требуют ориентации на взаимодействие в рамках образовательной среды.

Для теоретического и эмпирического анализа взаимоотношений принимающего сообщества и мигрантов широко используется понятие «толерантность». Его содержательные характеристики являются предметом дискуссий [5; 9; 15], что во многом обусловлено сложностью фиксации конкретных проявлений этого социального феномена. Мы рассматриваем толерантность как культурную ценность. Ее необходимость в системе социальной регуляции обусловлена тем, что вследствие соприкосновения различных норм, интересов, потребностей возникают противоречия, ослабляющие или ведущие к разрыву связей между социальными субъектами и нарушающие нормальное функционирование общества.

Методологически значимой для социологического толкования данного феномена, на наш взгляд, является идея В.Е. Кемерова: «Толерантности нет, пока мы не прояснили вопрос о том, кто взаи-

---

модействует, каковы субъекты взаимодействия» [16, с. 17]. Исходя из этого, сущностные характеристики толерантности находятся в тесной взаимосвязи с конкретно-историческими условиями, статусом субъектов взаимодействия, их интересами и потребностями, формами и способами взаимодействия и т. д. Единственная постоянная составляющая трактовок этого феномена, присутствующая во все времена – тесная связь его понимания с нравственно-этическими нормами.

Ключевым для понимания сущности толерантности является термин «принятие», но его трактовка также вызывает множество споров. В связи с этим можно привести точку зрения М.С. Мацковского, справедливо обращающего внимание на то, что «принятие чужих взглядов и особенностей поведения» отнюдь не является синонимом понятий «соглашение» или «одобрение». При таком подходе, например, межконфессиональная толерантность подразумевает отсутствие высказываний или поведенческих актов, которые могли бы рассматриваться как уничижительные или оскорбительные для представителей другой конфессии [12]. Применительно к учебной миграции из других стран, принятие также означает отсутствие негативно окрашенных высказываний, поведенческих актов относительно лиц иной этнической, религиозной принадлежности, что является необходимым условием сосуществования представителей различных культурных групп в едином социальном пространстве.

Продуктивной для содержательной трактовки феномена толерантности также является точка зрения, согласно которой имеет смысл рассматривать его только в контексте актуальных и значимых для субъекта различий – это своеобразная *«социальная чувствительность»* [2, с. 43–44]. То есть в социальных отношениях этот феномен имеет место, если какие-либо нормы, практики, их носители вызывают неприятие другой социальной общности или же значительной ее части, но интересы общества требуют поддержания связей между этими группами и их представителями. Поскольку современные учебные мигранты обладают непривычными для принимающего сообщества этнокультурными характеристиками, то их присутствие

вызывает достаточно острую реакцию местного населения, которая не всегда способствует конструктивному взаимодействию.

Таким образом, толерантность является инструментальной ценностью, закрепляющей значимость для социума способов и форм бесконфликтного взаимодействия в ситуациях, когда различия в нормах, социальных практиках, интересах вызывают противоречия, которые могут привести к разрушению социальных связей или создать препятствия для их налаживания. Именно в таком качестве она актуализируется в различные исторические эпохи.

Основными чертами толерантного взаимодействия, на наш взгляд, в отношениях мигрантов и принимающих сообществ являются:

1. принятие «чуждых» норм, практик, точек зрения, которое может основываться на уважении к ним, признании равенства прав различных культур на существование;
2. ориентированность на конструктивное, максимально бесконфликтное взаимодействие с представителями других этнокультурных групп для реализации общих норм и правил повседневной жизни, понимание необходимости сдерживания негативно окрашенных реакций при взаимодействии с другими социальными субъектами;
3. наличие готовности к изменению своей социальной позиции относительно вызывающих неприятие «иных» норм и практик, точек зрения, хотя именно этот момент очень сложен для воплощения в практике взаимодействия, поскольку речь может идти о базовых основах социальной жизнедеятельности.

Толерантность воздействует на процессы социальной регуляции при наличии у субъектов соответствующих ей ориентаций. Их формирование происходит под воздействием комплекса факторов, что нашло отражение в определении данного феномена как направленности «субъекта (личности, группы, сообщества) на цели, принимаемые им в качестве позитивно значимых (благие, правильные, высокие и т. п.) в соответствии с принятыми в обществе (сообществе) образцами и имеющимся жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями... Осознаваться она может в разной степени, а

выражаться – в поведении, вере, знаниях, иметь форму стереотипа, суждения, проекта (программы), идеала, мировоззрения» [10, с. 49]. Формирование и функционирование ориентаций происходит на стыке системы культурных ценностей и непосредственной практики взаимодействия. Следовательно, социальные субъекты могут реализовывать ориентации, отличающиеся от социально значимых и приемлемых образцов.

Таким образом, ориентации на толерантное взаимодействие – это совокупность установок на принятие «иных» норм, практик, точек зрения, бесконфликтное взаимодействие с их носителями, сдерживание возможных негативных поведенческих реакций.

Принятие отличных норм, ценностей возможно, если они не вызывают отторжения и могут быть интегрированы в повседневную практику взаимодействия. Однако, в силу интенсивности противоречий, между культурными нормами, практиками, отсутствием механизмов их минимизации, толерантность может быть проявлена путем сдерживания негативных реакций вследствие действия внутренних факторов (понимание необходимости поддержания конструктивных отношений, недопустимости конфликтных ситуаций). Принятие «иногo» и бесконфликтное взаимодействие с ним может вызываться действием внешних по отношению к субъекту факторов (страх, отсутствие возможности изменить социальную ситуацию). Здесь велика вероятность того, что при изменении условий будут реализованы иные ориентации.

При соприкосновении различных социокультурных систем некоторые нормы могут оказаться диаметрально противоположными друг другу и даже отстраненное их принятие достаточно сложно для субъекта, а изменение ценностного отношения к ним может оказаться невозможным. Соответственно, толерантность имеет границы. Однако в случае с учебной миграцией иностранцев значительная часть противоречий входит в поле толерантности.

При анализе ориентаций современной молодежи на толерантное взаимодействие с учебными мигрантами необходимо учитывать то, что направленность и содержание происходящих в ее среде про-

цессов, в том числе и систему детерминант ее социального поведения, определяют тенденции, характерные для общества в целом. Вследствие отсутствия достаточного социального опыта молодые люди более подвержены воздействию существующих стереотипов миграции. Негативное влияние здесь может оказать то обстоятельство, что в российском обществе отсутствует на данный момент разграничение учебных и трудовых мигрантов [14]. Поскольку в отношении последних негативные представления достаточно ярко выражены, то это не является обстоятельством, способствующим ориентированности молодых людей на толерантное взаимодействие с учебными мигрантами.

Возможность проявления толерантности принимающим обществом зависит и от его социального самочувствия. Поскольку взаимодействия с учебными мигрантами рассматриваются в контексте отношений «хозяев» и «чужаков», то собственные интересы ставятся на первый план. Неудовлетворенность своей жизнью или какими-то ее отдельными сторонами усиливает остроту реакции на трудности взаимного сосуществования, особенно если присутствие учебных мигрантов каким-либо образом ухудшает условия жизнедеятельности. Неприятие местного населения вызывает и более высокий социально-экономический статус иностранцев. Последнее не является редкостью, поскольку обучение в другой стране могут позволить себе слои населения с достаточно высоким уровнем материального достатка.

Важными факторами, определяющими социальную позицию молодежи, являются миграционная ситуация и состояние этноконфессиональных отношений в регионе.

Этноконфессиональная ситуация в Курганской области является достаточно стабильной. Приток мигрантов в регион незначителен. Они используют область как транзитную и далее следуют в более экономически благополучные регионы России. Противоречие заключается в том, что доля студентов из других стран, обучающихся на очном отделении Шадринского государственного педагогического университета (ШГПУ), более значительна, а в последние годы их

численность растет. По данным на март 2016 года, примерно каждый десятый студент очного отделения являлся иностранным гражданином. Учебные мигранты, обучающиеся в ШГПУ – достаточно неоднородная по своим социокультурным характеристикам группа. Основную часть составляют граждане Туркменистана, несколько ниже численность студентов из Казахстана, Киргизии.

Таким образом, этноконфессиональная и миграционная ситуации в регионе не создают почвы для социальной напряженности в отношениях принимающего сообщества и мигрантов, что является фактором, способствующим толерантному взаимодействию российского студенчества и учебных мигрантов. Но в рамках образовательного пространства присутствие последних достаточно заметно, что усложняет условия взаимной социокультурной адаптации сторон и может способствовать нарастанию противоречий.

Тот факт, что взаимоотношения на микроуровне складываются в рамках образовательного пространства, является фактором, способствующим толерантному взаимодействию. Местная молодежь и учебные мигранты имеют возможность достаточно продолжительное время проводить на занятиях вместе, они вовлечены в общую учебную деятельность, что способствует сближению даже при наличии культурных отличий, выработке практик межкультурного взаимодействия. Сглаживанию возможных противоречий в молодежной среде могут способствовать преподаватели, администрация учебного заведения.

Можно выделить внутренние по отношению к группе молодежи факторы, определяющие специфику ее ориентаций на взаимодействие с учебными мигрантами. Если рассматривать молодежь как социокультурную группу, то на первый план выходят не содержательные характеристики (предпочитаемые культурные ценности), а ментально-мотивационные, выражающие типичные для молодежи мироощущения, мотивации поведения, способы и формы взаимоотношения с другими людьми [19, с. 13]. Они обусловлены тем, что эта группа переживает процесс становления социальной субъектности, происходит активное расширение ее социального опыта,

она впервые оказывается вовлеченной во многие виды социальных взаимоотношений.

Именно на данном жизненном этапе происходит освоение ценностей: «Юношеский возраст благоприятен для образования ценностных ориентаций как устойчивого свойства личности» [3, с. 34]. То есть этот период важен для выбора ориентиров и предпочтений, которые будут определять социальную позицию молодых людей в будущем. Однако, исследования показывают, что именно у молодежи наблюдается наиболее негативное отношение к иноэтничным мигрантам по сравнению с другими возрастными группами [4, с. 74]. Тем не менее, экстремистский потенциал группы молодежи оценивается как достаточно низкий, хотя она и входит в группу риска [8; 11]. То есть неприятие учебных мигрантов может иметь крайние формы лишь у части молодых людей, реализация ориентаций на толерантное взаимодействие у этой группы затруднено. Негативизм значительной части молодых людей вызван действием факторов макроуровня. В силу занимаемого статуса, наличного социального опыта они более остро реагируют на существующие трудности во взаимоотношениях сторон.

Социокультурная специфика молодежи проявляется и в том, что для нее характерны отличные критерии структурирования социального пространства: «В молодежной, особенно подростковой среде, деление на «своих» и «чужих» происходит по иным, чем у взрослых основаниям. Большое значение в этом играют субкультурные факторы... «Чужие» могут стать «врагами» только потому, что они другие» [8, с. 38]. Это обстоятельство очень важно при взаимодействии с учебными мигрантами, потому как в большей или меньшей степени они представляют иную социокультурную среду. В качестве разграничивающих признаков могут выступать манера общения, одеваться, представления о том, что привлекательно, типичные формы времяпрепровождения и т. д. То есть учебные мигранты не могут в полной мере включиться во взаимодействия с местной молодежью, поскольку существующие различия препятствуют обмену информацией, социальным опытом в рамках

группы сверстников. Кроме того, поскольку большинство учебных мигрантов также принадлежат к группе молодежи, возрастают риски проявления интолерантности с обеих сторон. Благоприятную почву для роста противоречий во взаимодействиях молодых людей создает соприкосновение различных ожиданий, стремление самоутвердиться, добиться признания со стороны сверстников, отсутствие достаточного социального опыта.

Таким образом, формирование и реализация ориентаций молодежи на толерантное взаимодействие с учебными мигрантами определяется комплексом факторов: внешних (стереотипы миграции, состояние этноконфессиональных отношений, социальное самочувствие, миграционная ситуация в регионе, условия образовательного пространства и др.); внутренних (специфика социального статуса и опыта, способы и формы взаимодействия в рамках группы сверстников и др.).

Автором был проведен в марте-апреле 2016 года анкетный опрос студентов очного отделения Шадринского государственного педагогического университета, являющихся гражданами России. Объем выборки составил 340 человек.

На момент проведения опроса почти две трети студентов из числа граждан России обучались совместно с иностранцами, 5,9% учились раньше, а 30,4% никогда не учились в одной группе с ними. То есть значительная часть студентов очного отделения имеет реальный опыт совместного обучения с иностранцами. Соответственно, их позиция относительно различных сторон взаимоотношений с учебными мигрантами не является умозрительной.

Как уже отмечалось, возможность реализации ориентаций на толерантное взаимодействие зависит от социального самочувствия. Более половины опрошенных говорят о своей удовлетворенности тем образом жизни, который они сейчас ведут – почти каждый четвертый удовлетворен всем, 34,1% в основном всем довольны, 37% не удовлетворены некоторыми сферами своей жизни. В значительной мере недовольство высказывают 4,1% опрошенных.

Если рассматривать удовлетворенность отдельными сторонами жизни, то жилищные условия устраивают почти половину опро-

шенных (47%), каждого третьего – не в полной мере, а 13,2% не довольны ими. По субъективным оценкам уровня материального благосостояния почти две трети студентов относят себя к средним слоям населения (65,9%), каждый пятый считает, что уровень его жизни ниже среднего, 2,2% причисляют себя к «бедным».

Важную роль в жизни студенчества играет академическая группа. Взаимоотношения с ней 71,9% опрошенных оценивают как дружеские, 25,9% как нейтральные. Отношениями с преподавателями удовлетворены 60,7% студентов, наличие некоторых сложностей отмечает 35,6%. То есть у части респондентов прослеживается некоторая неудовлетворенность отношениями с основными субъектами образовательного процесса.

Таким образом, среди студентов есть группы, у которых может возникнуть негативное отношение к мигрантам, если взаимоотношения сторон затрагивают острые социальные проблемы, например, экономического, жилищно-бытового характера.

Межэтнические отношения как вид социального взаимодействия являются сферой повышенной социальной чувствительности. Значительная часть опрошенных достаточно толерантно относится к представителям других народов. Об этом говорит тот факт, что не придают значимости национальности человека при выборе друзей 84,8% студентов. То есть они ориентированы на принятие других этнических групп. Вместе с тем почти каждый третий иногда испытывает дискомфорт, находясь в окружении людей другой национальности, а 5,6% – постоянно. Это достаточно значительная группа, для которой проблема толерантности может оказаться актуальной.

К обучению иностранцев в России значительная часть опрошенных относится достаточно толерантно. Не видят ничего необычного в том, что студенты из других стран обучаются в российских высших учебных заведениях 64,7% студентов. Если учесть, что 13% связывают с присутствием иностранных студентов повышение престижа российского образования в целом, то три четверти опрошенных демонстрируют толерантное отношение. Отрицательно относятся к обучению иностранцев в России 8,6%. Каждый десятый затруднился

с ответом (причем большинство среди них женщины), что может быть обусловлено рядом обстоятельств: распространенность в российском обществе негативных стереотипов миграции, сложности, присущие реальной практике взаимодействия и др.

Ориентированность на толерантное взаимодействие с мигрантами проявляется и в позиции относительно возможности совместного обучения. К перспективе обучения с мигрантами в одном вузе положительно относится 68,1% опрошенных, 8,5% придают значимость их национальности, 14,1% затруднились с ответом и 3,5% заявили об отрицательном отношении. Примерно также распределились ответы опрошенных относительно совместного обучения на одном факультете. Некоторые изменения наблюдаются в отношении к обучению в одной группе. Число положительно настроенных уменьшается до 57,8%, растет число придающих значимость национальности мигрантов (9,3%), отрицательно настроенных (8,1%) и затруднившихся ответить (19,6%). Соответственно, по мере сокращения социальной дистанции группа негативно настроенных студентов увеличивается, и хотя она не составляет большинства, тем не менее, ее численность достаточно значительна. Наименее положительно к совместному обучению в одной группе относятся студенты старшекурсники (38,6%), тогда как на младших курсах – две трети учащихся. Среди девушек несколько ниже число положительно настроенных – 55,2% (у юношей 65,7%), также среди них в 2 раза больше группа затруднившихся с ответом на данный вопрос (22,7%), а каждая десятая относится отрицательно (среди мужчин 3%).

Таким образом, прослеживается влияние на ориентации студентов-россиян на толерантное взаимодействие с учебными мигрантами такого фактора как степень выраженности социальной дистанции. Наибольшую готовность принять их в качестве субъектов образовательного пространства студенты проявляют относительно обучения в российских вузах, наименьшую – в своей группе.

Рассматривая различные виды взаимодействия российских студентов и учебных мигрантов, можно отметить, что имеют друзей среди иностранных учащихся 43,9%, при этом 55,6% из них обща-

ются каждый день, 33,6% несколько раз в неделю, 11,8% – несколько раз в месяц. Эти контакты более свойственны мужчинам – среди них две трети имеют друзей, у девушек их число в 2 раза меньше. Совместное обучение в одной группе является фактором, который способствует налаживанию межличностных связей с мигрантами. Так, 81,7% студентов-россиян, имеющих друзей среди иностранцев, обучаются с ними в одной группе.

В общении с учебными мигрантами у российских студентов на первом месте стоит обсуждение вопросов учебы (28,9%). Виды взаимодействия, свидетельствующие о глубоких межличностных связях, называются гораздо реже (совместные праздники, прогулки по городу) – 4,4%. По сути, с учебными мигрантами тесно взаимодействует незначительная группа российских студентов. Более широкому распространению дружеских контактов препятствуют различия в формах, способах, символах коммуникации, неспособность мигрантов разделить специфические интересы, нормы, участвовать в значимых видах деятельности. Эти обстоятельства затрудняют обмен информацией, освоение социальных ролей.

В рамках учебной деятельности помогают мигрантам 52% опрошенных, причем, данную помощь оказывают и те, кто отмечает отсутствие друзей среди студентов из других стран (33,5%). Чаще оказывают ее мужчины (две трети), среди девушек почти каждая вторая. Студенты младших курсов в силу того, что именно на них обучается значительное число учебных мигрантов, чаще говорят об оказании помощи в учебе – на 1 курсе 71,3%, на старших курсах их число сокращается более чем в 3 раза (22,8%). Также можно отметить, что девушки чаще помогают выполнять домашние задания, что неудивительно, поскольку они в целом более ответственно относятся к учебе.

О трудностях при взаимодействии со студентами из других стран говорят 35,2% опрошенных, то есть достаточно значительная группа. На первом месте стоят языковые трудности, их отмечает почти каждый третий опрошенный (30,7%). Также указывается нежелание мигрантов учитывать нормы поведения местных жителей (12,6%), трудности совместного проживания в общежитии и высокомерное

поведение иностранцев – каждый десятый, неуважительное отношение к девушкам (7%). Все это препятствует принятию группы мигрантов студенческой молодежью. Противоречия могут возникнуть в ситуациях, в которых молодым людям достаточно сложно сдерживать негативные поведенческие реакции. Кроме того, отношение данной группы к мигрантам, по сравнению с подростками, становится более избирательным и реализация ориентаций на толерантное взаимодействие ставится в зависимость от ситуации и личностных качеств мигрантов. Соответственно, даже при наличии толерантного отношения к представителям других народов, взаимодействие с некоторыми учебными мигрантами невозможно в силу присущих им качеств и стратегий межкультурного взаимодействия.

Можно отметить некоторые гендерные особенности сложностей, возникающих у российских студентов при взаимодействии с учебными мигрантами. Неуважительное отношение к девушкам указывает 8,4% девушек и 3% юношей. Нежелание мигрантов учитывать культурные нормы местного населения также чаще называется девушками – 13,8% (у юношей и 8,9%).

С конфликтными ситуациями девушки опять же сталкиваются несколько чаще – 26,2% (юноши 11,9%). Среди мест, где они происходят, чаще всего называется общежитие – 18,7% девушек и 8,5% юношей. Последние также отметили в качестве пространства для конфликтов улицы города и учреждения досуга – каждый десятый. Отмечают наличие конфликтов в вузе 5,9% опрошенных, причем влияние гендерного фактора в этом случае не прослеживается.

Подводя итоги, необходимо отметить, что образовательное пространство является специфической сферой взаимодействия российских студентов и учебных мигрантов из зарубежных стран. Ориентации на взаимодействие, формирующиеся здесь, могут значительно отличаться от ориентаций на взаимодействие с мигрантами в других сферах. На данный момент достаточно сложно давать оценку полученным результатам ввиду ограниченности имеющихся данных. Можно отметить, что значительная часть студентов ШГПУ ориентирована на принятие в рамках образовательного пространства

учебных мигрантов, оказание им помощи в учебной деятельности. К факторам, которые благоприятствуют этому можно отнести: позитивное социальное самочувствие, относительно благополучную этноконфессиональную и миграционную ситуацию в регионе, специфику организации образовательного пространства.

По мере уменьшения социальной дистанции растет группа студентов, негативно настроенная к совместному обучению с мигрантами. Эта тенденция детерминирована такими факторами, как установки в сфере межнациональных отношений, наличие негативного опыта взаимодействия с обучающимися в вузе иностранцами.

Для существующей практики взаимодействия более характерны связи в рамках учебной деятельности, причем увеличение численности мигрантов усиливает интенсивность таких взаимоотношений. Дружеские отношения, тесно переплетающиеся в студенческой среде с учебной деятельностью, менее привлекательны для местной молодежи. Здесь негативное воздействие оказывают отличия норм, форм взаимодействия в рамках группы сверстников, этностереотипы, гендерный фактор.

Более глубокий анализ полученных результатов предполагает дальнейшее исследование данной проблематики, в частности использование качественных методов для изучения ценностей, норм и практик, действующих в системе взаимодействий «местное студенческое сообщество – учебные мигранты».

Список литературы

1. Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю. Китайские студенты в Забайкальском крае: барьеры адаптации в принимающей среде // Вестник Забайкальского государственного университета. № 11 (90). 2012. С. 52–59.
2. Бардиер Г.Л. Социальная психология толерантности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 120 с.
3. Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36.
4. Габдрахманова Г.Ф. Мы – они: отношение к мигрантам в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 66–75.

5. Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 64–74.
6. Дементьева С.В. Вузы России как механизм адаптации учебных мигрантов (в контексте социологического и философского анализа) // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 313. № 6. С. 158–164.
7. Деминцева Е.Б. Образовательные стратегии молодежи из стран СНГ в Москве. URL: https://www.hse.ru/data/2015/02/20/1090840519/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%BE%D1%82%D0%BF%D1%80_24_10.pdf / (дата обращения 30.04.2016).
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–47.
9. Козырева П.М. Процессы социальной адаптации россиян в трансформирующемся обществе. Автореферат дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004. 50 с.
10. Луков Вал., Гневашева В., Захаров Н., Луков Вл., Луков С., Намлинская О. Социальные и культурные ценностные ориентации молодежи // Alma mater. 2008. № 2. С. 46–56.
11. Львов С.В. Студенты, этнический экстремизм и ксенофобия: от диагностики проблемы к мерам преодоления // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6 (94), ноябрь–декабрь. С. 191–201.
12. Мацковский М. С. Толерантность как объект социологического исследования. URL: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/3-0-mackovskii.html> (дата обращения: 02.04.2016).
13. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В. Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 117–121.
14. Полетаев Д.В. Учебная миграция в Россию: существующие практики и возможные перспективы. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2012/21/> (дата обращения: 19.03.2016).

15. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции //Социологические исследования. 2003. № 8. С. 54–63.
16. Толерантность и полисубъектная социальность: Материалы конференции. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2001. 212 с.
17. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
18. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / Под ред. К. А. Гаврилова, Е.Б. Яценко. М. Наследие Евразии, 2012. 209с.
19. Шапко В.Т. Актуальная культура российской молодежи. Автореферат дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 1997. 32 с.
20. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 6 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Социоцентр, 2016. 408 с.

References

1. Badmaeva L.V., Bashkueva E.Yu. Kitaiskie student v Zabaikalskom krae: barery adaptatsii v primimayushey srede [Chinese students in Zabaykalsky kraj: adaptation barriers in the accepting environment]. *The Bulletin of Transbaikalian state University*, 2012, no 11, pp. 52–59.
2. Bardier G.L. *Socialnaya psihologiya tolerantnosti* [Social psychology of tolerance]. St. Petersburg, 2005. 120 p.
3. Vishnevskiy Yu.R., Shapko V.T. Paradoksalnyi molodoy chelovek [Paradoxical young man]. *Sociological studies*, 2006, no 6, pp. 26–36.
4. Gabdrakhmanova G.F. Мы – они: otnoshenie k migrantam v Respublike Tatarstan [We or They (attitudes to migrants in the Republic of Tatarstan)]. *Sociological studies*, 2008, no 2, pp. 66–75.
5. Galkin A.A., Krasin Yu.A. Kultura tolerantnosti pered vyzovami globalizatsii [Tolerance culture – facing globalization challenge]. *Sociological studies*, 2003, no 8, pp. 64–74.
6. Demytyeva S.V. Vusy Rossii kak mehanizm adaptatsii uchebnyh migrantov (v kontekste sotsiologicheskogo i filosofskogo analiza) [Russian universities as a mechanism of educational migrants adaptation (in the

- context of sociological and philosophical analysis)]. *Izvestia of Tomsk polytechnic university*, 2008, no 6, pp. 158–164.
7. Demintseva E.B. *Obrazovatelnye strategii molodegi iz stran SNG v Moskve* [Educational strategies of young people from CIS countries in Moscow]. https://www.hse.ru/data/2015/02/20/1090840519/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%BE%D1%82%D0%BF%D1%80_24_10.pdf (accessed April 30, 2016).
  8. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Molodyoghyi ekstremizm. Sushnost I osobennosti proiavleniya* [Youth extremism. Essence and specific manifestations]. *Sociological studies*, 2008, no 5, pp. 37–47.
  9. Kozyreva P.M. *Protsessy sotsialnoy adaptatsii rossiiyan v transformiruyushemsya obshestve* [Processes of social adaptation of Russians in a transforming society]. Moscow, 2004, 50 p.
  10. Lukov Val., Gnevasheva V., Zaharov N., Lukov Vl., Lukov S., Namlinskaya O. *Sotsialnyye I kulturnyye tsennostnyye orientatsii molodegi* [Social and cultural value orientations of youth]. *Alma mater*, 2008, no 2, pp. 46–56.
  11. Lvov S.V. *Studenty, etnicheskyy ekstremizm I ksenofobiya: ot diagnostiki problem k meram preodoleniya* [Students, ethnic extremism and xenophobia: from diagnostics of the problem to the measures to overcome]. *Public opinion monitoring*, 2009, no 6(94), November–December, pp. 191–201.
  12. Matskovskiy M.S. *Tolerantnost kak obyekt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Tolerance as an object of sociological research]. <http://www.tolerance.ru/vek-tol/3-0-mackovskii.html> (accessed April 2, 2016).
  13. Petrov V.N., Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V., Vashenko A.V. *Osobennosti adaptatsii inostrannykh studentov* [Specific of foreign students adaptation]. *Sociological studies*, 2009, no 2, pp. 117–121.
  14. Poletaev D.V. *Uchebnaya migratsiya v Rossiiyu: sushestvuyushiyey praktiki I vozmognyye perspektivy* [Educational migration in Russia: existing practice and possible perspectives]. <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/sa2012/21>. (accessed March 19, 2016).

15. Sokolov V.M. *Tolerantnost: sostoyaniye I tendentsii* [Tolerance – state and trends]. Sociological studies, 2003, no 8, pp. 54–63.
16. *Tolerantnost I polisubektnaya sotsialnost* [Poly-subject sociality]: The materials of the conference. Ekaterinburg, 2001, 212 p.
17. *Transgranichnaya migratsiya I prinyimayushee obshestvo: mehanizmy I praktiki vzaimnoy adaptatsii* [TRANS-border migrations and receiving society: mechanisms and practices of mutual adaptation] / scientific editor V. I. Dyatlov, Ekaterinburg, 2009, 396 p.
18. *Uchebnaya migratsiya is stran SNG I Baltii: potentsial I perspektivy dlya Rossii* [Educational migration from CIS and Baltic countries potential and perspectives for Russia] / editors K.A. Gavrilova, E.B. Yatsenko, Moscow, 2012, 209 p.
19. Shapko V.T. *Aktualnaya kultura rossyskoy molodegi* [The actual culture of the Russian youth]. Ekaterinburg, 1997, 32 p.
20. *Eksport rossyskikh obrazovatelnykh uslug: statisticheskiy sbornik* [Export of Russian educational services: Statistical Collection]. Issue 6 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Moscow: Center for Sociological Research, 2016, 408 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Коморникова Ольга Михайловна, доцент кафедры истории и права, кандидат социологических наук
*Шадринский государственный педагогический университет
ул. Карла Либкнехта, 3, г. Шадринск, Курганская область,
641800, Российская Федерация
olya.orexovo@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Komornikova Olga Mihailovna, Associate Professor, Department of History and Law, Ph.D. in Sociology
*Shadrinsk State Pedagogical University
3, Karl Libkneht St., Shadrinsk, Kurganskaya oblast, 641800,
Russian Federation
olya.orexovo@yandex.ru
SPIN-code: 4416-1520*